

МОЛОДЕЖЬ ТУРЦИИ
г. ТЬКИСИ

- 8 ЯНВ 1977

Рассказывает народный артист СССР Аркадий Райкин

ВЫБОР-СУДЬБА

И НОГДА сатириков сравнивают с врачами. Согласен с таким сравнением: как и врачам, нам легче и полезнее заниматься профилактикой, нежели лечить застарелую болезнь. Мы должны ее предупредить, обезвредить нашим специфическим оружием — смехом.

В нашей грудной профессии сатириков зрители — самые верные союзники. В зрительном зале сидят мои авторы и критики, те, кому хочется подражать, и персонажи для осмеяния, вообще друзья и враги. Ни с чем не сравнить то воднение, которое испытываешь, ощущая солидарность зала.

Мы, сатирики, ищем прежде всего положитель-

ное, а если говорим порой о недостатках, то это оттого, что не имеем права закрывать на них глаза... Ведь и партийные решения всегда очень остро, очень критически оценивают недостатки. И в наших газетах, журналах высокий уровень критичности. А возьмите «Фитиль» — все это наши соратники, товарищи.

Сатирик пропускает все через свое бескожное горячее сердце. Когда тот же самый текст — что, мол, тут плохо, там недочет — говорит глубоко безразличный человек, критикан, то такая позиция никому пользы не приносит. Это обыкновенное злопыхательство. А сатирик тем и отличается от мещанина-обывателя, что о самых негативных явлениях говорит с позиции доброжелательности, кровной заинтересованности в исправлении недостатков.

Нередко спрашивают: начав жизнь сначала, какую выбрал бы я специальность? Думаю, ту же. Надо сказать, что люди любят смеяться, это присуще человеку — смеяться, в том числе и над какими-нибудь недостатками, все вполне естественно. Но когда смеются над вами... Одно дело (помните, у Маяковского?) «про твоего знакомого», другое — «про тебя»! Неизбежны недоразумения, обиды. Тем не менее я продолжаю заниматься сво-

им делом. Есть же профессии верхолазов, монтажников, наконец, люди ходят по проволоке — все они прекрасно понимают, на что идут и чем рискуют.

ВСПОМНИ А Ю свою юность. Неоперившимся актером я поступил на службу в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, где случайно и получил свою первую роль... Почему случайно? Роль-то была без слов. И играть ее, собственно говоря, было поручено моему товарищу, тоже начинающему актеру. Узнав об этом, он страшно огорчился, а я стал его успокаивать, мол, без слов — это прекрасно! Сколько можно самому придумать всякой всячины! Подумай, какой он человек — твой персонаж. Нафантажируй, напиши его биографию...

Однако товарища все мои доводы не успокаивали. Тогда я начал показывать этого человека: как он ходит, как одет, как относится к окружающим, как смотрит на мир... В этот момент в комнату вошел режиссер. «Ага, вот вы и будете это играть!» — сказал он и решил тем самым мою судьбу... Почему судьбу? Потому что, сыграв такую роль, я сделал свой окончательный выбор в творчестве. И

выбор тот был — эстрада. Мне стало ясно, что лишь там смогу проявить себя наиболее полно, выразить то, что хочу... Тогда же, в тридцать девятом году, и организовался Ленинградский театр миниатюр...

Эстрада требует лаконичности: ничего лишнего, при-

близительного, случайного. Я считаю, что эстрада очень показана всем актерам. Надо пройти через эту школу. Искусство миниатюры, может быть, даже сложнее, чем искусство большой формы, ибо в последнем у актеров есть время, целые акты, часы, а в нашем распоряжении — минуты. Поэтому надо поймать, найти, подметить в человеке, в твоём персонаже самое интересное, самое существенное...

Когда появилась моя первая маска? Ну сначала надо пояснить, что такое «маска» в моем понимании. Понятие это условное. Маска по времени продолжается минуты три-четыре, а я бы мог сы-

грать, показать эту личность, тип, характер в течение целого спектакля в несколько действий. Мой образ известен мне досконально, до мельчайших и незначительных на первый взгляд подробностей. Поэтому хочу назвать маску мгновенной формой, «блицспектаклем»... Пример — Чарли Чаплин. Этот великий мастер снимался сначала в прощечных трюковых, но безликих комедиях, и был заурядным актером. Но когда он нашел своего маленького человека, нашел его судьбу, стал говорить о столкновении доброго, открытого, неза-

щищенного существа с большим злом, большой машинной буржуазного города — рождались ситуации смешные и грустные, трагические и комические. Вот почему Чаплин — величайший комик XX века. Его герой оказался близким миллионам людей. Искусство Чаплина не превзойдено и по сей день. Но... стоило ему сменить маску, и зритель, моему, этого ему не простил. Хотя кто-то с ним согласился, я в том числе: не представляю, как можно работать в одной маске всю жизнь. Мне было бы скучно.

Мы знаем примеры, когда актер выбирает одну маску и ему хватает ее на всю жизнь. Самый убедительный

пример — Чарли Чаплин. Этот великий мастер снимался сначала в прощечных трюковых, но безликих комедиях, и был заурядным актером. Но когда он нашел своего маленького человека, нашел его судьбу, стал говорить о столкновении доброго, открытого, неза-

щищенного существа с большим злом, большой машинной буржуазного города — рождались ситуации смешные и грустные, трагические и комические. Вот почему Чаплин — величайший комик XX века. Его герой оказался близким миллионам людей. Искусство Чаплина не превзойдено и по сей день. Но... стоило ему сменить маску, и зритель, моему, этого ему не простил. Хотя кто-то с ним согласился, я в том числе: не представляю, как можно работать в одной маске всю жизнь. Мне было бы скучно.

Мы знаем примеры, когда актер выбирает одну маску и ему хватает ее на всю жизнь. Самый убедительный

ловека. Актер — это и скрипач и скрипка одновременно. Я считаю актерскую профессию общественной деятельностью. А смех, по моему, не только развлечение и не только оружие — он еще и «наглядное пособие», образец для борьбы со всяческими пороками, и в этом, конечно, другие моменты тоже влияют: настроение, самочувствие, даже... погода, но, впрочем, не это, разумеется, главное.

От спектакля к спектаклю появляются какие-то находки, и потому каждое представление всегда чем-то отличается от предыдущего. Порой так входил в образ, что, казалось бы, только играть его и играть, но обнаруживаешь, что пора этот образ бросать — персонажи устаревают. Важно вовремя это заметить. Ведь и какие-то жизненные проблемы сходят со сцены. И беда, если эти перемены не скажутся на репертуаре.

Правда, тут нам на выручку вовремя должны приходиться драматурги. Но дело в том — и это не является большим секретом, — что сейчас нет комедиографов, какими были Гоголь и Салтыков-Щедрин... При всем при этом довольно часто мы встречаемся в нашем театре с талантливыми и очень интересными людьми. Вот, например, в последнее время у нас такой альянс «с физиками»... С теми, кто работает в области техники, электроники. Они не профессионалы в литературе, но видят мир свежо, с острым чувством юмора. И сотрудничество с ними очень плодотворно.

...Вы спрашиваете меня о перспективах обращения нашего театра к классике.

Я играл в свое время на эстраде Хлестакова, играл персонажи из «Мертвых душ»: Манилова, Плюшкина, Ноздрева, стараясь сыграть современных, так сказать, персонажей, продолжающих жить сегодня. Некоторые считают, что это невозможно. Однако вот что любопытно: когда мы были с театром на гастролях в Лондоне, англичане нам говорили: «Думаете, если вы назвали своих героев русскими именами, то мы не догадываемся, что разговор идет о нас?! Ведь настоящий бюрократ прописан в Лондоне!».

Но вернемся к вопросу о классике. Хотя я завидую многим актерам, имеющим дело с Шекспиром, с Островским, думаю все же, что зритель не одобрит моего перехода к иному жанру. Поэтому, что вот уже в течение многих лет я занимаюсь проблемами, которые волнуют нас сегодня. И все мы, советские люди, к какой бы профессии мы ни принадлежали, чем бы ни занимались, все мы так или иначе служим одному делу. У нас одна задача, одна цель, один смысл жизни. Не только советский актер, но и каждый советский человек всегда думает: «Если не сегодня, то когда? Если не я, то кто?».

Беседу вел Евг. РЫК.